

КОГДА ПИРУЮТ ЛЬВЫ

Часть первая

НАТАЛЬ

1

Одинокий фазан, почти касаясь травы, летел вверх по склону холма. Достигнув вершины, он опустил крылья и, вытянув лапки, упал в траву. Двое мальчиков и собака преследовали его от самой долины. Пес, свесив язык сбоку пасти, бежал впереди, а близнецы плечом к плечу неслись за ним, стараясь не отставать. Оба совсем взмокли, на рубашках цвета хаки выступили темные пятна — хотя африканское солнце уже спускалось к горизонту, но все еще изрядно припекало.

Собака учуяла запах птицы и настороженно замерла; секунду она нюхала воздух, потом принялась рыскать в траве. Пес двигался быстро, то вперед, то обратно, резко менял направление; голову он держал у самой земли, где запах ощущался сильнее, только спина и виляющий хвост виднелись над зарослями сухой бурой травы. Близнецы следовали за ним по пятам. Они тяжело дышали, подъем становился все круче и давался им нелегко.

— Рядом держись, не путайся под ногами, — пропыхтел Шон, и Гаррик послушно подался в сторону.

Шон считался старшим, ведь он был на целых четыре дюйма выше ростом и весил на двадцать фунтов больше, а значит, имел право командовать. Он снова обратил все внимание на собаку:

— Тинкер, ищи, ищи! Поднимай!

Хвост Тинкера показал, что пес понял команды Шона, однако собачий нос продолжал исследовать землю. Близнецы следовали за ним, напряженно ожидая, когда поднимется птица. Палки они держали наготове и шаг за шагом бесшумно продвигались вперед, стараясь и дышать как можно тише. Вот Тинкер обнаружил птицу: фазан притаился среди травы, плотно прижавшись к земле. Собака в первый раз за все время подала голос и прыгнула вперед, а птица, шумно хлопая крыльями, вихрем взлетела над травой.

Шон бросил первый; короткая палка с набалдашником пронеслась мимо. Фазан вильнул, бешено молотя по воздуху крыльями, и тут свою палку швырнул Гаррик. Вращаясь колесом, палка со свистом полетела вверх и шмякнула прямо в толстое бурое тело фазана. Птица кувыркнулась в воздухе, во все стороны полетели перья, и фазан упал на землю. Мальчики, а с ними собака рванули к нему. Короткими скачками фазан с перебитыми крыльями пытался удрать, скрыться в густой траве, но возбужденные мальчики, издавая громкие крики, не отставали. Шон поймал птицу первый. Быстрым движением он свернул ей шею и теперь стоял и заливался смехом, держа в руках еще теплую тушку и поджидая Гаррика.

— Диги-диги-дон, Гарри, отличный бросок!

Тинкер, нетерпеливо подпрыгивая, вертелся вокруг него — ему очень хотелось поскорей обнюхать птицу. Шон протянул тушку собаке, и та тут же уткнула нос в перья. Как следует обнюхав добычу, пес раскрыл пасть и попытался взять птицу, но Шон оттолкнул его голову и бросил птицу Гаррику. Тот повесил ее на пояс рядом с остальными.

— Как думаешь, сколько до него было, футов пятьдесят? — спросил Гаррик.

— Вряд ли, — засомневался Шон. — Футов тридцать, не больше.

— А я думаю, не меньше пятидесяти. Ты с такого расстояния ни разу сегодня не попал.

Успех слегка вскружил Гаррику голову. Улыбка на губах Шона завяла.

— Да? — спросил он.

— Да! — ответил Гаррик.

Тыльной стороной руки Шон отбросил волосы со лба. Черные и мягкие, они вечно падали ему на глаза.

— А на берегу реки? Там было в два раза дальше!

— Да? — спросил Гаррик.

— Да! — воинственно ответил Шон.

— Если ты такой меткий, чего же промазал в этого, а? Ты же первый бросал. И промазал, вот!

Раскрасневшееся лицо Шона помрачнело, и Гаррик понял, что, пожалуй, зашел слишком далеко. Он сделал шаг назад.

— Может, поспорим? — предложил Шон.

Гаррик не совсем понимал, о чем Шон хочет спорить, но по опыту знал, что любой спор у них закончится дракой. Так что спорить с Шоном выходило себе дороже, Гаррик почти всегда проигрывал.

— Ладно, уже поздно. Надо идти домой. Опоздаем к ужину, от папы влетит.

Шон стоял в нерешительности; Гаррик сбегал за своей палкой, поднял ее и зашагал в сторону дома. Шон побежал за ним, быстро догнал и вырвался вперед. Шон всегда и во всем был первый. Он убедительно доказал свое превосходство в искусстве метания палки и теперь был готов помириться.

— Как думаешь, какой масти жеребенок родится у Джипси? — спросил он, оглянувшись через плечо.

Гаррик с радостью принял предложение мира, и братья начали дружелюбно обсуждать будущего жеребенка и еще много всяких других, не менее важных предметов. Они бежали не останавливаясь, лишь на часок сделали привал в тенистом местечке на берегу реки, чтобы поджарить парочку фазанов, за которыми гонялись весь день: следовало подкрепиться.

Здесь, на плато, перед ними расстились луга, покрывающие невысокие округлые холмы, по склонам которых приходилось то карабкаться вверх, то спускаться в долины. Дул ветерок, раскачивая стебли высокой, по пояс, травы, сухой и легкой, цвета спелой пшеницы. Луга тянулись у них за спиной и по обе стороны до самого горизонта, а прямо перед ними начинался крутой обрыв. Он спускался уступами, сначала почти отвесно, потом постепенно выравнивался, переходя в долину, по которой текла река Тугела. До реки было еще миль двадцать, но сегодня в воздухе висела какая-то дымка, скрывающая реку. За Тугелой, раскинувшись далеко на север и сотню миль к востоку до самого океана, располагалась страна зулусов, Зулуленд. Река служила границей. Отвесную сторону обрыва сплошь покрывали вертикальные расщелины, густо заросшие кустарником с желтовато-зелеными листьями.

Внизу, в двух милях по низине, располагалась усадьба и ферма Теунис-Крааль. Большой дом увенчивала остроконечная голландская крыша, гладко крытая соломой. На небольшом огороженном лугу паслись лошади, много лошадей — отец близнецов был человек не бедный. Дым от открытых очагов, где готовилась пища и стоял домик для прислуги, голубоватыми струйками поднимался в небо, и до слуха доносились отдаленные удары топора — кто-то колот дрова.

Шон остановился на краю обрыва и сел на траву. Ухватился за босую грязную ногу, подтянул ее ближе. На пятке виднелась ранка, из которой он днем вытащил острую колючку, и теперь отверстие было забито грязью. Гаррик уселся рядом.

— Ага, небось больно будет, когда мама прижжет тебе йодом! — злорадно заявил он. — Да еще придется эту грязь вычищать иголкой. Спорим, будешь орать как резаный!

Шон и ухом не повел. Поднял стебелек травы и принялся тыкать им прямо в рану. Гаррик наблюдал за ним с интересом.

Близнецы совсем не походили друг на друга. Шон выросел на глазах, превращаясь в мужчину: плечи раздались и налились силой, а под детским жирком уже крепла мощная мускулатура. Он выглядел очень живописно: черноволосый, загорелый до смуглости от жаркого солнца, губы яркие, щеки светятся, играя молодой кровью под кожей, а глаза синие — нет, скорее темно-синие, вплоть до фиолетового, цвета индиго, как тень облака, упавшая на гладь горного озера.

Гаррик же обладал худощавым телосложением, запястья и лодыжки его скорее подошли бы девочке. Волосы неопределенного цвета с каштановым отливом заметно редели на затылке; на щеках цвели веснушки; нос и веки, обрамляющие бледно-голубые глаза, вечно имели розовый цвет из-за аллергии.

Гаррик довольно быстро потерял интерес к хирургическим манипуляциям Шона. Протянув руку, он потеревил одно из висячих ушей Тинкера, и ритм частого дыхания собаки сразу сбился: пес два раза сглотнул, и с кончика его языка сорвалась капля слюны. Гаррик поднял голову и посмотрел вниз, на склон. Чуть пониже от того места, где они сидели, начиналась поросшая кустарником лощина. У Гаррика перехватило дыхание.

— Шон, смотри, вон там, рядом с кустом! — проговорил он дрожащим от волнения шепотом.

— Что? — Шон вздрогнул, поднял голову и сразу увидел, на что показывает брат. — Подержи Тинкера, — велел он.

Гаррик схватил собаку за ошейник и притянул к себе ее голову — не дай бог, увидит и бросится в погоню.

— Это самая большая старая антилопа в мире, — прошептал он.

Шон не отвечал, поглощенный зрелищем.

Сквозь густые заросли кустарника осторожно пробирался крупный бушбок, самец пестрой антилопы, весь черный от старости; пятна на его бедрах поблекли и стали похожи на выцветшие отметины мелом. Уши настороженно торчали, а вьющиеся змейкой рога высоко вздымались над головой. Огромный, почти как лошадь, он грациозной поступью вышел на открытое пространство. Остановившись, великолепное животное повело головой из стороны в сторону: нет ли где опасности? Потом рогатый красавец легкой рысью затрусил наискось вниз по склону и скрылся в другой такой же лощине.

Секунду близнецы сидели совершенно неподвижно, а потом вдруг одновременно и горячо заговорили:

— Ты видел? Ты его видел? Видел рога?

— Так близко от дома... а мы и не знали...

Мальчики вскочили на ноги, продолжая возбужденно тараторить. Тинкер, заразившись волнением юных хозяев, принялся с лаем носиться вокруг них. Спустя несколько секунд общей сумятицы Шон овладел ситуацией, просто-напросто перекричав своих оппонентов:

— Спорим, он каждый день прячется там в лощине! Спорим, сидит там весь день и выходит только по ночам? Ну-ка, пойдем проверим.

И Шон первым стал спускаться по склону.

Лежбище, где прятался бушбок, они нашли у самой кромки кустарников, в небольшой укромной нише: здесь царил прохладный полумрак, землю устилал ковер из опавших листьев. Почва была утоптана копытами и усеяна его пометом, а там, где он лежал, в земле осталась вмятина. На листьях, разбросанных по земле, виднелись волоски с седыми кончиками. Шон опустил на колени и поднял один из них.

— Его надо поймать, но вот как? — сказал он.

— Выкопать яму и посередине вбить острый кол, — нетерпеливо предложил Гаррик.

— А кто будет копать, ты, что ли? — спросил Шон.

— Ну да, а ты будешь помогать.

— Вообще-то, яму копать тут надо большую, — с сомнением проговорил Шон.

Наступило молчание: оба прикидывали, сколько придется трудиться, копая ловушку. Но больше уже ни тот ни другой об этом не заговаривали.

— Можно еще позвать ребят из города и устроить облаву с собаками, — сказал Шон.

— Да сколько раз мы с ними охотились? Сотни раз, наверно, а даже ни одного паршивого дукера¹ не поймали. Что уж тут говорить про бушбока! — Гаррик помолчал, потом неуверенно продолжил: — А еще помнишь, что тогда этот зверь сделал с Франком ван Эссеном? Когда выдернул рога, пришлось вталкивать ему внутренности обратно в живот.

— Ты чего, боишься? — спросил Шон.

¹ *Дукер* — южноафриканская антилопа.

— Сам ты боишься! — взвился было Гаррик, но тут же быстро добавил: — Вот это да! Уже совсем темно. Надо бежать.

И братья торопливо стали спускаться в долину.

2

Шон лежал в темноте, через всю комнату уставившись в серый прямоугольник окна. В небе ярко сиял месяц. Ему не спалось — мысли продолжали вертеться вокруг бушбока.

Мимо двери в спальню прошли родители; мачеха что-то сказала, и отец засмеялся в ответ: смех Уайта Кортни был низкий, как далекий раскат грома.

Слышно было, как закрылась дверь в их комнату. Шон сел на кровати:

— Гаррик!

Ответа не было.

— Гаррик!

Он поднял с пола ботинок и швырнул в кровать брата. Оттуда послышалось сердитое ворчание.

— Гаррик!

— Чего еще?

Голос Гаррика был сонный и недовольный.

— Я вот о чем подумал... завтра же пятница.

— Ну и что?

— Папа с мамой поедут в город. Их целый день не будет дома. Можно взять папино ружье и устроить засаду на этого зверя.

Кровать Гаррика тревожно заскрипела.

— Ты что, с ума сошел? — Голос Гаррика выдал его потрясение и страх. — Папа убьет нас, если узнает, что мы брали ружье.

Но он понимал, что придется искать доводы посильней, чем этот, — брата так просто не переубедишь. Наказания Шон тоже боялся, конечно, и старался до этого не доводить, но шанс взять бушбока казался слишком заманчивым, чтобы испугаться правой руки отца. Гаррик застыл в постели, лихорадочно подыскивая нужные слова:

— А патроны где возьмешь? У папы они под замком.

Неплохой аргумент... Но Шон сразу парировал:

— Я знаю, где лежат два патрона с картечью, он про них забыл. В столовой, в большой вазе. Они там уже больше месяца.

Гаррика бросило в пот. Он уже ярко представлял себе, как плетка со свистом хлещет его по голой заднице, а отец считает удары: восемь, девять, десять...

— Шон, прошу тебя, давай придумаем что-нибудь другое...

Шон поудобней устроился на подушках. Он уже принял решение.

3

Уайт Кортни подал жене руку и помог сесть на переднее сиденье легкой двуколки. Ласково потрепав женщину по руке, зашел с другой стороны, где должен сидеть возница, остановился, чтобы приласкать лошадей, и надел на лысеющую голову шляпу. Человек он был крупный, и когда вскарабкался на свое место, двуколка под его весом сразу просела. Он подобрал вожжи, обернулся, и глаза его над большим крючковатым носом весело посмотрели на стоящих рядышком на веранде близнецов.

— А вас, джентльмены, я бы хотел попросить: уж сделайте одолжение, держитесь подальше от баловства хотя бы несколько часов, пока нас с матерью не будет дома.

— Да, папа, — послушным дуэтом отозвались мальчики.

— Шон, если, не дай бог, тебе придет в голову еще раз залезть на большой эвкалипт, пеняй на себя, ты меня понял?

— Хорошо, папа.

— И ты, Гаррик... давай больше не будем экспериментировать с производством пороха, договорились?

— Да, папа.

— И нечего делать невинные глазки. Это меня очень беспокоит, черт побери!

Уайт легонько коснулся плетью блестящих лошадиных круп, и двуколка, тронувшись с места, покатила по дороге на Ледибург.

— А про то, что нельзя брать ружье, он ничего не сказал, — с облегчением прошептал Шон. — Теперь нам с тобой главное — не напороться на слуг. Если они нас увидят, поднимут шум. Подойди к окну в спальню, я тебе его передам.

Всю дорогу к обрыву Шон и Гаррик спорили. Шон нес ружье на плече, обеими руками держась за приклад.

— Это я все придумал, разве нет? — заявлял он.

— А я зато первый увидел зверя, — возражал Гаррик.

Он снова осмелел. С каждым шагом, отдалявшим его от дома, страх наказания все больше улетучивался.

— Это не считается, — стоял на своем Шон. — Ружье взять придумал я, значит и стрелять буду я.

— Ну почему это всегда тебе достается самое интересное? — гнул свое Гаррик.

Шона этот вопрос возмутил до глубины души.

— А помнишь, когда ты увидел возле реки гнездо ястреба, я же разрешил тебе полезть за ним, разве нет? А когда ты нашел теленка дукера, я же разрешил тебе его покормить! Скажешь, нет? — наступал он.

— Ну да. А раз я первый увидел бушбока, почему ты не даешь мне стрельнуть?

Шон молчал. Он ума не мог приложить, что делать с тупым упрямством брата, и еще крепче сжимал приклад ружья. А Гаррик понимал: чтобы победить в споре, надо отобрать у Шона оружие. Он совсем приуныл.

У подножия обрыва Шон остановился между деревьями и посмотрел через плечо на брата:

— Ну что, помогать будешь? Или мне одному все делать?

Гаррик опустил голову и пнул ногой сухую ветку. Громко шмыгнул носом, полным соплей, — по утрам его аллергия всегда усиливалась.

— Ну? — наступал Шон.

— Что надо делать?

— Стой здесь и медленно считай до тысячи. А я пройду по склону и притаюсь там, где вчера мы видели бушбока. Кончишь считать — иди вверх к оврагу. Примерно на полпути к нему начинай кричать. Бушбок пойдет тем же путем, что и вчера... все понял?

Гаррик неохотно кивнул.

— Цепочку для Тинкера взять не забыл?

Гаррик достал цепочку из кармана. Увидев ее, собака сразу попятилась. Шон схватил пса за ошейник, и Гаррик закрепил цепь. Тинкер прижал уши и с укором посмотрел на хозяев.

— Смотри не отпусти. Старый бушбок быстро насадит его на рога. Все, начинай считать.

И Шон полез вверх. Он старался держаться как можно левее от оврага. Трава под ногами скользила, тяжелое ружье тянуло вниз, под ноги попадалось много острых камешков. Он больно стукнулся пальцем о булыжник, и ссадина начала кровоточить, но мальчик упорно продвигался все выше. На краю кустарниковых зарослей

стояло засохшее дерево, которое Шон выбрал ориентиром, показывающим лежбище бушбока.

Добравшись до места прямо над лежбищем, мальчик остановился на самом гребне склона: здесь, по его расчетам, гуляющая под ветром трава скроет силуэт его головы на фоне неба. После такого подъема следовало перевести дух. Успокаивая дыхание, Шон искал глазами вокруг и обнаружил камень размером с пивную бочку — на нем можно было пристроить ружье. Не теряя времени, он притаился за валуном. Уложив на камень двойной ствол, мальчик направил его вниз и повел им сначала влево, потом вправо, чтобы убедиться, что сектор обстрела чист. Он представил себе, как бежит бушбок под его прицелом, и ощутил, как руки от ладоней до плеч и до самой шеи задрожали от возбуждения.

— Не промажу, — прошептал он. — Он пойдет медленно, скорей всего рысью. Надо только попасть прямо в спину, между лопатками.

Шон переломил ружье, достал из кармана рубашки два патрона, вставил в патронники стволов и привел оружие в боевое положение. Чтобы взвести два изящных ударника, пришлось изо всех сил надавить пальцами обеих рук, и у него получилось: теперь можно было стрелять. Он снова положил ружье перед собой на камень и посмотрел вниз. С левой стороны расщелина казалась темно-зеленым пятном на склоне, а прямо внизу перед ним находился открытый участок, заросший травой: по нему-то бушбок и пойдет. Мальчик нетерпеливо отбросил со лба влажные от пота, падающие на глаза волосы.

Медленно шли минуты.

— Какого черта, что он там делает? Этот Гарри... такой иногда дурачок! — пробормотал Шон.

Гаррик словно подслушал его: снизу донесся крик. Негромкий, приглушенный зарослями и расстоянием. Гавкнул разок и Тинкер, но без особого энтузиазма. Настроение у пса было так себе: кому понравится сидеть на цепи, когда тут такие дела? Шон ждал, положив палец на спусковой крючок и внимательно глядя на край буша. Гарри крикнул еще раз — и тут из зарослей выскочил бушбок.

Зверь быстро приближался с высоко задранной головой — длинные рога легли на его спину. Шон смещался в сторону, двигая ствол за бегущим животным и целясь ему прямо в черное плечо. Решив, что пора, он выстрелил из левого ствола — сильная отдача отбросила его назад, он потерял равновесие и упал; грохот выстрела оглушил стрелка, дым сгоревшего пороха ударил в лицо. Крепко сжимая ружье, мальчик поспешно вскочил на ноги. Бушбок лежал

внизу, в траве, — он жалобно, как овца, бляял, сильные изящные ноги дергались в предсмертной агонии.

— Попал! — закричал Шон. — С первого выстрела! Гаррик! Гаррик! Я попал, попал!

Таща за собой Гаррика, из кустов выскочил Тинкер, и Шон, продолжая кричать, бросился к ним. Под ногу ему попался камень: споткнувшись, он полетел на землю. Ружье вырвалось из рук и выстрелило из второго ствола. Выстрел прозвучал еще оглушительнее первого.

Шон кое-как поднялся на ноги и увидел, что Гаррик сидит на траве и, глядя на свою ногу, стонет. Заряд врезался прямо в нее, превратив в лохмотья плоть пониже колена: в разорванной ране виднелись белые осколки раздробленной кости, наружу толчками вытекала темная густая кровь.

— Я не хотел... О боже, Гаррик, я же не хотел. Я просто споткнулся. Честное слово, споткнулся.

Шон не мог оторвать глаз от ноги брата. Он побледнел как полотно, широко открытые глаза переполняли ужас. А кровь все текла, заливая траву.

— Останови кровь! Шон, останови кровь! Пожалуйста! О-о-о, как больно! Шон, пожалуйста, останови кровь!

Спотыкаясь, Шон подошел к брату. К горлу подступила тошнота. Торопливо расстегнув и сняв ремень, он перетянул ногу Гаррика; кровь, теплая и липкая, окрасила его руки. С помощью ножа, не вынимая его из ножен, он туго закрутил ремень. Кровотечение ослабло, и он подтянул еще туже.

— О Шон, как мне больно! Как больно...

Лицо Гаррика было белое как воск; его охватила мелкая дрожь, холодный страх сковал его тело.

— Сейчас приведу Джозефа, — запинаясь, проговорил Шон. — Я быстро, постараюсь как можно быстрее. О господи, прости меня, Гаррик!

Шон вскочил на ноги и побежал. Упал, перевернулся, снова вскочил и со всех ног бросился по направлению к дому.

Вернулся Шон примерно через час. Он привел с собой трех слуг-зулусов. Повар Джозеф прихватил одеяло. Он обернул им раненого и поднял; Гаррик потерял сознание, нога свободно качнулась в воздухе.

Они тронулись вниз по склону к дому. Шон бросил взгляд на равнину. На дороге в Ледибург виднелись клубы пыли. Это один из конюхов поскакал в город, чтобы сообщить о случившемся Уайту Кортни.

Когда Уайт Кортни вернулся в Теунис-Крааль, все ждали его на веранде. Гаррик уже пришел в сознание. Он лежал на кушетке; лицо его было белым, и кровь сочилась сквозь одеяло. Кровью была испачкана одежда Джозефа, высохшие и почерневшие бурые пятна покрывали руки Шона.

Уайт Кортни взбежал на веранду и, наклонившись над Гарриком, откинул конец одеяла. Секунду стоял, вытаращив глаза, потом очень осторожно укрыл ногу снова.

Уайт поднял Гаррика и понес к двуколке. Джозеф пошел за ним, и они вдвоем усадили мальчика на заднем сиденье. Джозеф придерживал его, пока мачеха укладывала его раненую ногу себе на колени, чтобы не болталась при езде. Уайт Кортни быстро влез на сиденье возницы и взял в руки вожжи; прежде чем двуколка тронулась, он повернулся и посмотрел на Шона, который все еще стоял на веранде. Отец ничего не сказал, но взгляд его был столь страшен, что Шон съехался и опустил глаза. Уайт Кортни хлестнул лошадей, и они помчались в Ледибург. Он яростно гнал вперед, и встречный ветер трепал ему бороду.

Шон стоял и смотрел им вслед. Вот они пропали за деревьями, а он все не уходил с веранды. Наконец мальчик резко сорвался с места. Выскочив через кухню во двор, он добежал до сарая со сбруей, сдернул с вешалки уздечку и кинулся к загону для лошадей. Выбрав гнедую кобылу, Шон загнал ее в угол ограды, и там ему удалось обхватить ее рукой за шею. Он вставил удила ей в рот и, застегнув подбородный ремешок, влез на ее неоседланную спину.

Шон ударил кобылу пятками по бокам и галопом направил к калитке, стараясь приноровиться к ритму движения лошади, то откидываясь назад, то приныкая всем телом к ее шее. Он собрался с силами, развернул кобылу и погнал ее по дороге на Ледибург.

До города было всего восемь миль, и двуколка приехала раньше. Шон обнаружил ее возле хирургической клиники доктора ван Ройена: лошади тяжело дышали, их бока потемнели от пота. Шон соскочил с кобылы, поднялся по ступенькам к двери и потихоньку открыл ее. В помещении стоял густой сладковатый запах хлороформа. Гаррик лежал на столе, возле него по обе стороны стояли Уайт и его жена, а врач мыл руки в эмалированном тазике у стены. Ада Кортни тихонько плакала, щеки ее блестели от слез. Все сразу повернулись к стоящему в дверях Шону.

— Подойди сюда, — произнес Уайт Кортни тихим, бесцветным голосом. — Встань здесь, рядом со мной. Сейчас твоему брату отрежут ногу, и, видит бог, я хочу, чтобы ты стоял и смотрел, как это делают, не пропустил ни секунды, слышишь?

4

В Теунис-Крааль Гаррика привезли ночью. Уайт Кортни ехал очень медленно, осторожно, и весь долгий путь домой Шон тащился позади двуколки. В тоненькой рубашке защитного цвета он очень замерз. Но гораздо хуже ему было от того, что он недавно видел. На предплечье остались синяки — это отец, заставляя смотреть, крепко держал его за руку.

Слуги зажгли на веранде лампы. Они стояли, прячась в тени, молчаливые и встревоженные. Уайт понес завернутого в одеяло мальчика по ступенькам вверх, и один из них выступил вперед.

— Как нога? — тихо спросил он по-зулусски.

— Отрезали, — хрипло ответил Уайт.

Послышался общий вздох, и снова раздался тот же голос:

— Как он?

— Живой, — ответил Уайт.

Он пронес Гаррика в комнату, отведенную для гостей и больных. Встал посредине и так и стоял с мальчиком на руках, пока жена стлала на кровати свежие простыни, потом уложил сына и накрыл его одеялом.

— Что еще можно для него сейчас сделать? — спросила Ада.

— Теперь остается только ждать.

Ада взяла мужа за руку.

— Господи, прошу Тебя, не дай ему умереть, — прошептала она. — Он же еще совсем маленький.

— Это все Шон! — вскрикнул Уайт. Гнев его вспыхнул с новой силой. — Гаррик сам до такого никогда бы не додумался!

Он попытался освободиться от руки жены.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас пойду и вздую его как следует! Выпорю до полусмерти!

— Прошу тебя, не надо.

— Как это не надо?!

— Ему и так хватило. Ты видел его лицо?

Уайт устало опустил плечи и сел в кресло рядом с кроватью. Ада притронулась к его щеке:

— Я сама посижу с Гарриком. А ты пойді поспи, дорогой.

— Нет, — сказал Уайт.

Она присела рядышком, и Уайт обнял ее за талию. Супруги долго так сидели и наконец уснули возле кровати, обнявшись в кресле.

Последующие несколько дней ничего хорошего не принесли. Гаррик впал в беспамятство, его охватила горячка, он стал бредить. Мальчик тяжело дышал, мотал пылающей головой из стороны в сторону, стонал и кричал, обрубок ноги распух до того, что швы на нем опасно натянулись, — казалось, еще немного, и они порвут раздувшуюся плоть. Гной испачкал простыни желтыми пятнами, от которых шла отвратительная вонь.

Все это время Ада буквально не отходила от мальчика. Она вытирала с лица раненого пот, меняла на культе повязки, поила водой и успокаивала, когда он бредил. От усталости и тревоги вокруг глубоко запавших глаз женщины появились темные круги, но она ни на минуту не оставляла пасынка. Уайт же не в силах был это переносить. Как и всякий мужчина, он страшился самого вида страданий, боялся, что задохнется в смрадном воздухе комнаты, где лежал больной сын. Примерно каждые полчаса он входил, несколько секунд стоял возле кровати и спешно удалялся, продолжая беспокойно блуждать по дому. Ада слышала, как тяжело ступает ее муж по коридорам.

Шон тоже не выходил из дому. Он тихо сидел на кухне или в дальнем углу веранды. Никто с ним не заговаривал, даже слуги; когда же он пытался прокрасться в комнату, чтобы увидеться с Гарриком, за ним всегда кто-нибудь следовал. Он чувствовал себя совсем одиноким, отчаянно одиноким, как человек, на котором лежит вина за случившееся. Ему казалось, что Гаррик умрет, — зловещая тишина, повисшая над Теунис-Краалем, говорила об этом. На кухне смолкла болтовня слуг, не гремела посуда, не раздавался густой, низкий смех отца, даже собаки как-то притихли. Словно в Теунис-Краале поселилась сама смерть. Шон остро чувствовал ее присутствие, когда из комнаты Гаррика через кухню проносили грязные простыни, издающие терпкий мускусный запах — так пахнут животные. Иногда он даже почти видел ее: в яркий солнечный день, сидя на веранде, он ощущал и даже наблюдал краем глаза, как она тенью крадется мимо веранды. Смерть все еще не имела отчетливой формы. Она являлась в виде постепенно сгущающегося вокруг дома мрака или холода, словно накапливая силы, чтобы забрать брата с собой.

На третий день Уайт Кортни со страшным ревом выскочил из комнаты Гаррика. Он пробежал по всему дому на конный двор.

— Карли! Где ты? Седлай скорей Руберга! Да скорей же, черт бы тебя побрал! Он умирает... ты меня слышишь? Он умирает!

Шон не сдвинулся с места — он сидел у стены рядом с черным ходом. Рука его стиснула шею Тинкера, и собака холодным носом уткнулась ему в щеку; он видел, как отец вскочил на жеребца и куда-то поскакал. Копыта застучали по дороге на Ледибург, постепенно стихая. Когда конский топот совсем затих вдали, Шон встал и проскользнул в дом. Прокравшись к двери Гаррика, он послушал, потом потихоньку открыл дверь и вошел. Ада повернула к нему усталое лицо. За эти дни она постарела, ей уже никак не дать было тридцати пяти, но волосы ее были все так же зачесаны назад в аккуратный пучок на затылке, платье сохраняло опрятность и чистоту. Несмотря на крайнее утомление, она оставалась такой же красивой женщиной, как всегда. Все та же мягкая доброта светилась в ее глазах; ни страдания, ни тревога не могли сокрушить ее. Она протянула Шону руку, он перекрестился и встал рядом с ее креслом, глядя на Гаррика. Шон сразу понял, почему отец поскакал за врачом. В комнате явно присутствовала смерть — над кроватью повис жуткий ледяной холод. Гаррик лежал совершенно недвижимый — лицо пожелтело, глаза закрыты, потрескавшиеся губы пересохли.

Чувство вины и отчаянного одиночества еще более остро охватило Шона, комком подкатило к горлу и вырвалось глухим рыданием; он упал на колени, уткнулся лицом Аде в ноги и безутешно расплакался. Он плакал в последний раз в жизни, плакал, как плачет взрослый мужчина, мучительно и горько, и каждое рыдание разрывало ему грудь.

Уайт Кортни вернулся из Ледибурга с врачом. Шона снова выставили из комнаты и закрыли дверь. Он не спал всю ночь и слышал возню в комнате Гаррика: до него доносилось бормотание голосов, шарканье подошв о желтые доски пола.

Утром все улеглось. Жар у раненого спал, и Гаррик остался живой. Правда, едва живой — глаза ввалились будто в черные ямы, лицо напоминало череп скелета.

Тело его и разум так никогда до конца не поправятся после этой жуткой, безжалостной ампутации...

Выздоровление шло медленно. Прошла неделя, пока Гаррик окреп достаточно, чтобы есть самостоятельно.

И в первую очередь ему не хватало брата.

— А где Шон? — Эти слова стали первыми, которые он смог произнести, да и то шепотом.

И Шон, все еще тихий и присмиривший, просидел с ним несколько часов кряду. Потом, когда Гаррик уснул, Шон выскользнул из комнаты и отправился к себе. Прихватив удочку, охотничьи метательные палки и Тинкера, лающего за спиной, он отправился

в вельд. То, что он заставил себя так долго просидеть в комнате рядом с больным братом, было мерой его раскаяния. Это мешало ему, как путы на ногах юного жеребенка, — никто никогда не узнает, чего ему стоило это неподвижное сидение у постели Гаррика, тогда как организм требовал своего: он весь пылал нерастраченной энергией, не давая покоя мыслям.

Скоро Шон снова стал ходить в школу. Он уезжал утром в понедельник, когда еще было темно. Гаррик прислушивался к звукам его отъезда, фырканию и ржанию лошадей за окном, голосу Ады, повторяющей последние наставления:

— Под рубашки я положила бутылочку с микстурой от кашля, передай ее Фрейлейн, как только распакуешь вещи. А уж она позаботится, чтобы ты при первых же признаках простуды принимал лекарство.

— Да, мама.

— В маленьком чемоданчике ровно шесть нижних рубашек. Каждый день надевай чистую.

— Нижние рубашки — это для маменькиных сынков.

— Делайте, что вам говорят, молодой человек, — прозвучал голос Уайта. — И поторопитесь с овсянкой. Пора выезжать, если мы хотим добраться до города к семи часам.

— А можно с Гарриком попрощаться?

— Ты уже вечером попрощался, а сейчас он спит.

Гаррик открыл было рот, чтобы крикнуть, но понял, что его никто не услышит. Он тихонько лежал, слушая звуки отодвигаемых из-под обеденного стола стульев, шаги вереницы ног, проходящих на веранду, голоса прощающихся и, наконец, скрип и скрежет колес по гравию, когда двуколка тронулась по подъездной дорожке. Вот Шон с отцом и уехали, и снова настала полная тишина.

Теперь единственными светлыми пятнами в унылом и бесцветном существовании Гаррика стали выходные дни. Он ждал их с жадным нетерпением, и один выходной от другого отделяла целая вечность — для юных существ, как и для больных, время тянется медленно. Ада и Уайт немного догадывались о его чувствах. Благодаря им в его комнате сосредоточилась почти вся домашняя жизнь: из гостиной они перенесли сюда два пухлых кожаных кресла, поставили их по обе стороны его кровати и вечера проводили здесь. Уайт сидел с трубкой в зубах и стаканом бренди у локтя — он выстукивал деревянный протез и часто смеялся своим басистым смехом; Ада устраивалась с вязаньем, и оба пытались расшевелить Гаррика беседой, вслух вспоминая о разных интересных и забавных случаях. Возможно, именно сознательные попытки являлись при-

чиной их неудачи, а может быть, помехой стал возрастной разрыв между ними и мальчиком: в их годы практически невозможно его преодолеть. Всегда существует некая сдержанность, некий барьер между миром взрослых и полным тайн и секретов миром юности. Гаррик, конечно, смеялся с ними, поддерживал разговор, но это было совсем не то... вот если бы сейчас здесь был Шон!

Днем Ада была занята большим хозяйством; пятнадцать тысяч акров земли и две тысячи голов крупного рогатого скота требовали зорких глаз ее и Уайта. В эти долгие часы Гаррик особенно ощущал свое одиночество. И если бы не книги, он, возможно, долго не вынес бы такого времяпровождения. Читал он все подряд, все книги, которые приносила ему Ада: Стивенсона, Свифта, Дефо, Диккенса и даже Шекспира. Многого в этом чтиве он не вполне понимал, но читал все равно запоем, и опиум печатного слова помогал ему пережить долгие дни до пятницы, когда возвращался домой Шон.

С приездом Шона словно сильный ветер пронесся по дому. Хлопали двери, лаяли собаки, брюзжали слуги, и чьи-то ноги топали вверх и вниз по лестницам. Большую часть шума производил сам Шон, но в этом у него были помощники. Вместе с Шоном нередко приезжали его одноклассники, такие же подростки, как и он сам. Авторитет Шона они признавали с такой же, как и Гаррик, охотой, и причиной тому были не только его крепкие кулаки, но и заразительный смех и всегда сопровождающее его чувство веселого возбуждения. В то лето они приезжали особенно часто, иногда по трое, сидя, как стайка воробьев на заборе, на спине неоседланной лошадки. Но в этот раз их привлекло сюда еще кое-что, а именно культя Гаррика. И Шон этим очень гордился.

— Вот здесь врач зашивал, — указывал он на ряд отметин, которые остались от швов и располагались вдоль розового шрама.

— А можно потрогать?

— Только не сильно, а то опять вскрыется.

Гаррик за всю свою жизнь не получал столько внимания. Он так и сиял, обводя взглядом окруживших его мальчиков, которые с серьезными лицами, широко раскрыв глаза, глядели на него.

— Странное чувство, как будто жжется.

— Больно было?

— А как он отрезал кость... топором отрубил?

— Нет. — Шон был здесь единственный, кто мог отвечать на вопросы о всяких технических подробностях. — Пилой отпил. Ну, как деревяшку.

Он рукой показал, как это было.

Но, увы, даже такой захватывающий предмет не смог удержать их надолго, и довольно скоро ребята забеспокоились, засуетились:

— Слышь, Шон, а мы с Карлом знаем, где гнездо с птенцами! Пойдем посмотрим?

— А потом лягушек ловить!

— А хотите, посмотрим мои марки? — вставлял Гаррик, чувствуя подступающее отчаяние. — Они вон там, в шкафу.

— Не-а, мы на той неделе их уже видели. Ну что, пошли?

Но тут Ада, которая слышала с кухни весь разговор через открытую дверь, принесла угощение. Пончики, жаренные в меду, шоколадное печенье с мятной глазурью, арбуз и еще с полдюжины всяких вкусностей. Она-то знала, что дети не уйдут, пока не прикончат все сладости; знала и то, что животы у них, скорее всего, разболются, но это все-таки лучше, чем если бы Гаррик остался лежать один и слушал, как все остальные отправляются гулять на холмы.

Выходные пролетали незаметно, как вздох. И для Гаррика началась очередная долгая неделя одиночества.

Миновало восемь таких безотрадных недель, когда наконец доктор ван Ройен разрешил ему днем сидеть на веранде. И перед Гарриком вдруг открылась реальная перспектива выздоровления. Деревянная нога, которую строгал Уайт, была почти готова. Отец сделал кожаный стакан, куда должна вставляться культя, закрепил его на деревяшке медными гвоздиками с плоскими шляпками. Работал он аккуратно и тщательно, подгоняя кожаную часть протеза по культю и приспособлявая ремни, которые должны удерживать его на месте.

Тем временем Гаррик тоже не терял времени: он упражнялся на веранде, прыгал на одной ноге рядом с Адой, обняв ее рукой за талию и сосредоточенно сжав зубы; веснушки на его лице, давно не видевшем солнца, стали особенно заметны. Два раза в день Ада усаживалась на подушку напротив сидящего в кресле Гаррика и массировала культю денатурированным метиловым спиртом, чтобы она стала плотнее и быстрее приспособилась к соприкосновению с жестким кожаным стаканом.

— Вот Шон удивится, а? Когда увидит, что я хожу.

— Да все удивятся, конечно, — кивала Ада.

Она подняла голову и, не переставая массировать, улыbnулась.

— А можно сейчас попробовать? Тогда в субботу, когда он придет, я смогу сходить с ним на рыбалку.

— Знаешь, Гаррик, не стоит сразу ждать многого. Поначалу будет совсем не просто. Придется долго учиться ходить на протезе.

Это как ездить верхом — вспомни, сколько раз ты падал, пока не научился.

— Но ведь можно начать прямо сейчас?

Ада взяла бутылку со спиртом, налила немножко в пригоршню и нанесла жидкость на культю.

— Придется немного подождать. Вот приедет доктор ван Ройен, посмотрит и скажет, можно или нет. Потерпи, уже скоро.

Так оно и вышло. Приехал доктор ван Ройен, осмотрел культю. И поговорил с Уайтом, когда тот провожал его к докторской бричке.

— Ну что ж, — сказал он, — попробуйте свою деревяшку, это пойдет ему на пользу. Только не разрешайте тренироваться слишком долго, главное сейчас — не перетрутить ногу. И следите, чтобы не натер мозолей и не содрал кожу. Еще одно заражение нам ни к чему.

«Деревяшка». Это слово казалось Уайту отвратительным, оно эхом отдавалось у него в голове, когда он смотрел вслед бричке, пока она не скрылась из виду. «Деревяшка». Он сжал кулаки, уж очень ему не хотелось поворачиваться к веранде и видеть там столь трогательно-нетерпеливое лицо сына.

6

— Ну как, удобно? Уверен?

Уайт, присев для удобства на корточки, прилаживал к культю сидящего в кресле Гаррика деревянную ногу. Ада стояла рядом.

— Да, да, конечно, можно я сразу попробую? Как здорово! Вот Шон удивится, правда? И я тоже смогу ездить с ним в школу по понедельникам, да?

Гаррик так и дрожал от нетерпения.

— Посмотрим, — уклончиво пробормотал Уайт.

Он поднялся на ноги и встал рядом со стулом.

— Ада, дорогая моя, поддержи его за другую руку. А теперь, Гаррик, слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы сначала ты это почувствовал. Сейчас мы поможем тебе встать, а ты постарайся просто постоять и сохранить равновесие. Ты меня понимаешь?

Гаррик горячо закивал.

— Отлично. А теперь вставай!

Он подтянул к себе деревянную ногу, и конец ее царапнул по полу. Они подняли Гаррика, и он перенес свой вес на протез.

— Смотрите, я стою. Я на нем стою, видите? — проговорил он. Лицо его сияло. — А теперь можно мне пройти? Пожалуйста! Давайте пройду.

Ада взглянула на мужа, и он кивнул. Вдвоем они осторожно повели Гаррика вперед. Два раза он споткнулся, но они его поддержали. Тук, тук, еще раз тук — стучала деревяшка по доскам пола. Еще не дойдя до конца веранды, Гаррик научился повыше поднимать ногу с протезом и только потом выбрасывать ее вперед. Они повернули и зашагали обратно — теперь за всю дорогу до кресла мальчик запнулся лишь один раз.

— Очень хорошо, Гаррик, у тебя хорошо получается, — смеялась Ада.

— Не успеешь глазом моргнуть, как выучишься ходить самостоятельно, — улыбался Уайт.

У него от души отлегло. Он едва смел надеяться, что это будет так легко. И Гаррик поймал его на слове:

— Давайте я сейчас сам постою немного.

— Нет, не сейчас, мой мальчик, на сегодня хватит, ты и так хорошо потрудился.

— Ну, папа, пожалуйста! Я не буду пытаться ходить, просто постою, и все. А в случае чего вы с мамой меня подхватите. Пожалуйста, папа, прошу тебя!

Уайт колебался. Ада поддержала Гаррика:

— Уж позволь ему, дорогой, у него ведь так хорошо получилось. И у него прибавится уверенности в своих силах.

— Ну хорошо, — согласился Уайт. — Только не пытайся ходить. Готов? Отпускаем!

Они осторожно убрали руки. Мальчик слегка покачнулся, и руки взрослых метнулись обратно к нему.

— Все в порядке, не держите меня.

Гаррик улыбался с таким уверенным видом, что супруги еще раз его отпустили. Секунду он стоял прямо и устойчиво, потом посмотрел вниз. И улыбка застыла на его лице. Ему вдруг показалось, что он стоит один на высокой горе; сердце его сжалось, голова закружилась, и он испугался, жутко, отчаянно испугался, сам не понимая почему. Гаррик резко пошатнулся, и изо рта его вырвался пронзительный крик:

— Я падаю! Снимите ее! Снимите!

Они успели его подхватить и сразу же усадили в кресло.

— Снимите ее! Я сейчас упаду!

Крики испуганного мальчика терзали сердце Уайта, пока он трясущимися руками расстегивал ремешки, на которых держалась деревянная нога.

— Все, Гаррик, я уже снял, не бойся, ничего страшного. Я держу тебя.

Уайт прижал сына к груди, стараясь успокоить его в своих сильных руках, в близости своего большого, дающего ощущение безопасности тела, но Гаррик продолжал испуганно отбиваться и громко кричать.

— Отнеси его в дом, в спальню, — тревожно поторапливала мужа Ада, и Уайт, все так же крепко прижимая сына к груди, побежал прочь с веранды.

Именно тогда Гаррик впервые обрел свое особое убежище. Как только ужас стал невыносимым, он ощутил, как в голове что-то шевельнулось, а глубоко в черепе, на уровне глаз, затрепетали крылья невидимого мотылька. Зрение помрачилось, словно его застлал густой туман. Он становился все гуще, и Гаррик уже совсем ничего не видел и не слышал. В глубинах этого тумана ему стало тепло и спокойно. Никто не мог тронуть его даже пальцем, туман окутывал его и защищал от любой опасности. Здесь ему ничто не угрожало.

— Кажется, уснул, — прошептал Уайт жене, но в голосе его слышалось некое недоумение.

Он внимательно присмотрелся к мальчику, прислушался к его дыханию:

— Уснуть-то уснул, но как быстро это произошло! Тут что-то не то... так не бывает. Хотя... с виду с ним все в порядке.

— Может, позвать врача, как думаешь? — спросила Ада.

— Нет, — покачал головой Уайт. — Сейчас я его укрою и посижу с ним, пока не проснется.

Гаррик проснулся только вечером. Он сел в постели, увидел отца и мать и заулыбался, словно ничего особенного с ним не случилось. Отдохнувший и жизнерадостный — это даже смущало его самого, — он плотно поужинал, и никто даже словом не обмолвился о протезе. А сам Гаррик, казалось, совершенно про него забыл.

7

В следующую пятницу днем вернулся домой Шон. Под глазом у него красовался фонарь, хотя и не очень свежий, даже слегка позеленевший по краям. Как он его заработал, Шон рассказывать не торопился. С собой он привез горсть паучьих яиц, которые подарил Гаррику, живую красногубую змейку в картонной коробке, которую Ада, несмотря на страстную речь Шона в ее защиту, немедленно приговорила к смерти, и лук из дерева мзенга, которое Шон считал идеальным для изготовления этого оружия.

Содержание

КОГДА ПИРУЮТ ЛЬВЫ	7
И ГРЯНУЛ ГРОМ	463